

АЛЕКСАНДР ЯШИН

ПЕСНИ СЕВЕРУ

СТИХИ

СЕВКРАЙГИЗ

АРХАНГЕЛЬСК 1934

СОДЕРЖАНИЕ

Северная Двина

Подход к теме	5
О реконструкции людей	8
Наши девушки	13
Рапорт с просек	15

Трудодень

Выходим в поле	23
Льнозавод	26
Колхозная осень	28
Молотьба	29

Солнце в окнах

За наших девушек и за хороший колос	33
МЮД (комсомольская песня)	37
Люблю	39
Двадцать трудодней	41

Начало большой работы

Молодость революции (фрагменты)	47
---	----

Набрано и отпечатано в процессе ученических работ
в школе ФЭУ Севкрайполиграфа в Вологде

СЕВЕРНАЯ ДВИНА

ПОДХОД К ТЕМЕ,

„Чуден Днепр при всякой погоде,
Когда вольно и плавно
Могучие краны
Несут на платину бетон“.

Безымянский

Без слов о сполохах,
О морозах,
О непрístupных торосах льда,
Архангельск вошел в нас
Строительной прозой,
Талантливой молодостью труда.

Не снежным простором,
Морскими приboями,
Волнами, похожими на лебедей,—
Архангельск вошел в нас
Живыми героями,
Горячим дыханием
Новых людей.

Экзотика Севера не замечена.
Мы по заводу ходили с утра.
В ушах грохотали до позднего вечера
Амбарного цеха
Двенадцать рам.

Сосновые доски скользили и падали,
Дрожали крутые громады стропил,
Шумели карельскими водопадами
Поставы тяжелые жарких пил.

Хозяйской рукой
Транспортеры направлены.
Мы шли и встречали
У рам, у станков
Знакомых,
Испытанных,
Ближих,
Прославленных
Изотовых —
Пильщиков, обрезчиков.

Мы взглядом окинули Край
И не верили:
Когда расстояний рассеялась мгла,
Он встал перед нами
Поэмой о дереве
Из первоклассных
Отточенных глав.

Огни лесобирж,
Дуют ветры несмелые,
Да всюду сухие опилки шуршат...
Без сполохов полночь,
И даже не белая,
Была восхитительно хороша.

Где старый Архангельск?
Где край замороженный?..
С богатой окраины снят карантин.
В сосновые дебри

Сквозь тундру проложены
Великие северные пути.

Цепями гремят в портах элеваторы.
Брусчатки плотов — на широкой воде.
Как гимном, гудением сепараторов
Маслозаводы приветствуют день.

В просторах с прославленным бездорожьём
Земли поднимается целина.
И будет Донбассом,
Баку,
Криворожьём
Ещё неисхоженная сторона.

Пусть небо лежит без электромерцания —
Мы сами созвездий своих мастера.

Красив и без северного сияния
Богатый
Советский
Северный край.

Декабрь 1933
Лесозавод им. Молотова

О РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЮДЕЙ

Рано утром робко позвонили,
Постучали в дверь...
Идут ко мне...
На пороге...

— Мать моя?..
Да ты ли?..
Дорогая, верить или нет?!
Славный день!
Но... Раздевайся, что ли,
Да пальто свое снимай, снимай.
Как же так?
Ведь первый раз... Легко ли:
Поезд, говоришь, а здесь — трамвай?

Книги падают.
На кухню мчусь я.

— Вот кофейник...
Пять минут — вскипел...

Гостью из родного захоlustья
Удивить я примусом хотел.
Только мать спокойно, чуть сурово, —
Я ее такую не видал, —
Молвила, что это все не ново,
Это есть не только в городах.

— Сядь на стул и не мечись покуда:
Не хочу ни чаю, ни борща.
Там, в столовой — три хороших блюда.
Мы позавтракали сообща.

— Вот так раз!
Родная мать, но как же?..
Не одна ты разве? Не одна?
Хорошо!
Но, может быть, расскажешь —
Как живет там наша сторона?
Дальняя дорога.
Дома как-то?
Как вы там?

— Живем, мой сын. Живем!
На полях у нас,
Так значит, — трактор,
Трактором молотим, сеем, жнем.

— Как я рад!
Родная, неужели ты в колхозе?..

В сердце у меня
Кружатся цветные карусели
Розового солнечного дня.
Захотелось обласкать мамашу.
Подойти, прижать к своей груди.
Рассказать ей о победах наших,
Рассказать, что будет впереди.

Оживает сторона лесная,
Край преобразается,
А мать
Ничего, наверное, не знает.
Да и где ей — старенькой — узнать?
Счастье с ней всю жизнь играло впрятки.
С малых лет ходила в нищете.
Пять годов промаялась солдаткой,
За уши драла своих детей.
Проклинала, что пришлось родиться,
Но меня любила.
Не забыть:
Выпарит, бывало, свежей щией
И сама начнет со мною выть.
Что она хорошего видала?
И решил я на досуге мать
Провести по северным увалам,
Ей победы наши показать.

— Поднимают зорю музыканты.
Утром вслушайся в трамвайный звон!
Наши новые лесогиганты
Башни труб вонзили в небосклон.
От Никольска
На Великий Устюг,
До архангельских больших широт,
К Беломорью, к разливному устью
Молевым массивом лес идет.
Мягкий шум на новых, звонких рамах.

Лесовозы!..
Взбухшая Двина!..

Говорю,
А старенькая мама
Словно бы и не удивлена.

— Непонятно, весело лопочешь
И кричишь, неведомо зачем,
А о том, что мало здесь рабочих,
Даже не обмолвился совсем.
Устья рек загружены плотами.
Выкатать весь лес —
Тут надо сил...

Голубыми крупными цветами
Сарафан ее усеян был.

— Этот лес, — не бойся, — не отпустим.
Отдохни, не хочешь ли — свожу
Завтра же тебя к двинскому устью,
Корабли большие покажу?
С моря к нам приходят лесовозы.
Мы растем! Ты все увидишь, мать,
И своим соседям из колхоза
Сможешь многое порассказать.
Позабудь житейские тревоги.
Как я рад! Поверишь, — как я рад.
Ты сейчас ложись, поспи с дороги,
Ну, а вечером... пойдём в театр.

Вдруг глаза заволокло туманом.
Мать моя нахмурилась, и вот:
Встала, прошумела сарафаном,
Мне сухую руку подает:

— Ты не обижайся... Тороплюсь я...
Недосуг... Меня, поди-ко, ждут.
Пусть стара я, но еще гожуся...
На любой веселый, дружный труд.
Посмотрел бы ты на наши взмахи!
Я не знала радостней поры.
У себя в колхозе „Красный пахарь“,
Мы узнали, что в порту прорыв.
Порт — он наш,
Лес — тоже, — мы рубили...
Собрались, подумали — как быть,
А потом бригаду снарядили,
Чтобы здесь на биржах подсобить...

Мать ушла.
Прикрылись плотно двери,
И шаги затихли за стеной.
Я чему-то не могу поверить...
Но чему? Она была со мной!
И, слова ее перебирая,
Понял я, что вместе и везде
С реконструкцией лесного края
Шла и реконструкция людей.

НАШИ ДЕВУШКИ

Посвящую замечательной девушке, лучшей плотнице Северного края—делегату I Всесоюзного слета ударников сплавщиков и лесорубов

ТАИСИИ КУДРИНОЙ

— Боялись, конечно,
Метались, конечно,
Когда вода наступала валом,
Да что говорить, товарищ сердечный, —
Всем доставалось, всяко бывало.

В последний раз дела привалили
Такие, что хоть завывай белугой:
Ветры надвинулись, заголосили,
И навзничь валились мои подруги.

В устьи реки поднялась сумятица,
Вода дышала сурово, неровно...
Мы ждали: волна ураганом накатится,
Запань прорвет и растащит бревна.

А если бревна будут распущены —
Слотка задержится — это не шутки вам!..
Значит, не быть нам на Севере лучшими,
Знамя не взять у бригады Щукина.

Вижу я — ветер творит издевки.
Девоч своих позвала, оглядела.

Вот, говорю, товарищи девки,
Надо нам сделать сразу два дела.

И, проклиная худую погоду,
Осатанелый холодный прибой,
Мы повизжали, залезли в воду.
Ну, и, значит, начался бой.

Все позабыли: беседки, припевки —
Только б не сдать в горячке работ...
Я, знай, кричу:
— Не робейте, девки!
И первая лезу в водоворот.

День этот вырос для нас богатым —
Не подкачали мы в схватке с ветром:
Запань скрепили стальным канатом
И выставили тысячу кубометров.

Взмокли, конечно,
Прозябли, конечно,
Но запань, как видите, не прорвало...

.

Что говорить, товарищ сердечный,
Трудно бывало, всяко бывало.
Но ротозеями быть нам не в кого, —
После недаром нас „Правда“ славил...
Прямо скажу, что с моими девками
Можно рога обломать у дьявола.

Архангельск, Ноябрь 1933

РАПОРТ С ПРОСЕК

I

Вышли мы на просеку
У ручейка.
Солнечную проседью
Обвис закат.

Пролегла далекая
По лесам,
Светлая, широкая
Полоса.

Вечером росным
Навстречу нам
Выстроились сосны
По сторонам.

Здесь даже осенью —
Зелень и жизнь...
Эти бы сосны
На этажи...

Это бы дерево,
Эти леса
Нам бы размеривать,
Нам тесать.

Выросли в холоде,
В шуме ветров
Уйма золота
И тракторов.

Взмахом молодости
И топора
Двинем золото
На Урал.

Двинем фунты
И франки в бой —
Заработает
Днепрострой.

Пойдем в поход
В степные пески —
Построим завод
Челябинский.

* * *

К синим просторам
Вскинув глаза,
Вася Задорин
Первый сказал:

— Думаю, братцы,
Будет резон,
Если остаться
На летний сезон.

В шуме березовом
Всходит весна...
Справят в колхозе
Работу без нас.

Нынче на пашнях
Немало машин,
Смогут папаша
Дела завершить.

* * *

Зарницы заката,
И сосны — в ряд...
Стоят ребята,
Стоят — молчат.

Думали: кончили,
Пилы — домой,
А тут еще звонче
Звени пилой.

Просеки-полосы
Ушли в простор.
Каждый за поясом
Несет топор.

Дебри осилим
Упорным трудом!
— Значит, решили?
— Домой не уйдем!

Солнце закончило славный путь,
 Просекой скользнули лучи заката...
 Сели у речки лесной отдохнуть,
 За день уставшие ребята.

Можно ли крепче бригаду найти...
 Спяны потом ребята недаром...
 Но и она на тяжелом пути
 Тоже терпела большие удары.

Было: когда застучат топоры,
 Спологи утра по лесу зареют —
 Лодыри, новый рождая прорыв,
 Драли под елкой свинячью шею.

В самый неистовый перегуд,
 Рот ослюнявив паршивую речью,
 Бросив товарищей и борьбу,
 Двое удрали к мамаше на печку.

Трусы, прогульщики и рвачи
 Долго гнездились в лесных буераках,
 Но комсомольский задор и почин
 Вышибли их из деяны атаккой.

Пройден большой глухой перевал, —
 Радость струилась лучистым накрапом...
 Вынул Вася блокнот, написал:
 — „В райком комсомола, рапорт“.

Зашелестела бумаги гладь,
Строились буквы, как на параде:

— Третий участок,
Деляна — пять,
Восьмая сквозная бригада.
— „Выполнен план“.

Сухие слова
Шли по блокноту шире и шире...

— „Рубка — сто шестьдесят два,
Возка — сто пятьдесят четыре“.

Цифры вставляли на белом листке,
Цифры и строчки, взятые с бою...
И карандаш не дрожал в руке:

— „Раненых нет,
Дезертиров — двое“.

Точка поставлена. Подпись есть.
Вася к бумаге склонился грудью
И причеркнул:

— Остается здесь...
Дома скоро не будем“!

Леоново, 1931/32

ТРУДОДЕНЬ

ВЫХОДИМ В ПОЛЕ

Нетерпеливо ждали мы, —
Шумели тополя, —
Чтоб первые проталины
Проклюнулись в полях.

Чтоб солнечные сполохи
Согнали пухлый снег, —
Семян большие ворохи
Готовили к весне.

Бывало, ветер колется,
Но рано по утрам
В колхозе за околицей
Стучали триера.

Спешили мы неделями
Под крышей у берез
Травить парижской зеленью
Шатиловский овес.

Размашисто, увесисто
Ковали кузнецы,
И эхо мчалось в лес густой,
Неслось во все концы.

Еще в метель с морозами
Готовились мы все
С машинами колхозными
Весенний встретить сев.

Друг друга в ночи мгlistые
Проверили в труде.
Еще задорней чистили
В конюшне лошадей.

И вот весна, за чащами
Взметнув волной тепла,
Бурливая, журчащая,
В деревню прибрела.

Спустилась с крыш сосульками
И, разгоревшись днем,
Запенилась, забулькала
В овраге за селом.

И воздух чист, и свет хорош,
Пушистые кусты,
И первый гром, и первый дождь,
И первые цветы.

Тропой лесной, визирюю
Скользят, поют лучи...
О чем-то декламируют
Над пашнями грачи.

И видим мы, и рады мы,
Что парится земля —
Ударными бригадами
Выходим на поля.

Чтоб выстроились озими
Шуметь и зеленеть,
Чтоб выросли колхозные
На радость всей стране.

А осенью богатою
Мы урожайным днем
Заполним элеваторы
Очищенным зерном.

Леопово, 1932

ЛЬНОЗАВОД

Еще травы сверкали росой,
Я ходила своей полосой.
Трепетал полевой ветерок...
Уж я сеяла, сеяла ленок.

Лег пунцовой косынкой восход
На родной голубой небосвод,
Белым паром окутался лог...
Ты удайся, удайся, ленок!

За труды кропотливые лен
Уродился не чист, не длинен.
И в дождливый осенний денек
Уж я рвала-то, рвала ленок.

Расстилала его по лугам,
По зеленым речным берегам,
От усталости падала с ног...
И трепала, чесала ленок.

И болели и грудь и спина —
Я согнулась от белого льна, —
А зимой не один вечерок
Уж я пряла-то, пряла ленок.

И потом, набелив волокно,
До весны я ткала полотно
На рубашку и на пиджак...

.

Нет...
Было
Не так!

Еще с весны по вспаренным утрам,
Играя свежестью в лучах восхода,
Под звон пилы, под стуки топора
Вздвигался к небу корпус льнозавода.

И осенью, когда колхозный лен
Был убран теребилкою в погоду,
Снопам с поля был он увезен
Автомобилем „Амовским“ к заводу.

Пусть холодит, и дождь сентябрьский льет,
Пусть первый снег к земле летит, белея,—
За лен нам дали шитое белье
И теплые тужурки Москвошвея.

Чебсара. 1931

КОЛХОЗНАЯ ОСЕНЬ

У рыжей осени повадка наша:
Большевикам хозяйственность к лицу.
На желтых площадях колхозных пашен
Уборка хлеба подошла к концу.

Снопов забытых в нашем поле нет,—
Одна трава на пустырях сырая.
Уже гудят машины на гумне,
Веселым гимном урожай встречая.

Не обойтись без песен. Мы поем:
Таких колосьев,
Ржи такой не помним.
Отборным и очищенным зерном
Мы элеваторы страны заполним.

И целый день
Оттуда, где березы
Вплелись в простор обветренных полей,
Идут колхозов красные обозы
На стадионы красных площадей.

Чибсара, 1931

МОЛОТЬБА

Когда предутренний туман
Смывала зорька молодая —
Запел зубастый барабан,
Пузатый колос разбивая.

Запел, и брызнуло зерно
Струями мощного потока.
Подул на старое гумно
Прохладный ветерок с востока.

В лугах холодная роса
Цветами радуги блеснула,
Когда в долину проскользнула
Лучей румяных полоса.

Высоко головы взметнув,
Ходили кони на приводе
И мяли влажную траву
На пропотевшем огороде.

Солому мятую трясли
Граблями, бойко убирая,
И песни звонкие неслись,
А в песнях — радость урожая.

Свистели быстрые стрижи
В клубах взметенной едкой пыли.
Мешки тяжелой желтой ржи
На элеватор отвозили.

Большая бодрость в шуме лип,
Простор лазоревого неба.

В колхозе много есть земли,
В колхозе много сжато хлеба.

И молотила не стучат,
И не болят, не ноют спины,
Лишь вторят голоса девчат
Сердцебиению машины.

Восток давно огнем горел,
И день зацвел улыбкой мая,
А барабан гудел, гудел,
Пузатый колос разбивая.

Никольск, 1929

СОЛНЦЕ В ОКНАХ

ЗА НАШИХ ДЕВУШЕК И ЗА ХОРОШИЙ КОЛОС...

Не только по тому, как зарядит заря,
Как солнце заиграет на восходе,
По предсказаниям метстанций о погоде,
По опадающей листве календаря,
По песням черных каркающих стай —
Я узнаю, что скоро светлый май
Начнет журчать на нашем огороде.

Не только по тому, что мимо нас идет
Все больше поездов, груженных тракторами,
Сопровождаемых веселыми ветрами,
Не только по тому, что чистятся в поход
Тяжелые машины в гаражах совхоза,
Что воздух всколыхнули запахи навоза,
Я чувствую весны
Решительный приход.

Но даже по тому, что в сумке почтальон
Все чаще письма от тебя приносит, —
В них ласка и любовь и шорохи колосьев, —
Что в сердце у меня веселый перезвон,
Что ты опять с усмешкой легкой просишь
Писать стихи о васильках во ржи,
О том, как радостно смеяться,
петь и жить, —

Определяю я,
Что скоро в нашу тишь
Бурливая весна польется с крыш.

Чем больше писем мне —
Тем ближе к нам весна.
Примета верная, любимая Елена.
Но мы теперь работаем в три смены,
Протравливаем, чистим семена,
Подвозим для коней запасы сена,
Моторам — керосин, чтоб было все
сполна.

С восходом над полями — перестуки:
Мы сортируем на гумне овес,
А рядом кузница... И вот, когда мороз —
Мы бегаем у горна греем руки.
Здесь строится теперь большой совхоз,
А был когда-то монастырь „Прилуки“.

По-новому живут и радуются люди.
Наш долг — ускорить оборот земли.
Мы в эту жизнь веселость принесли,
Мы бодростью заполнили груди.

Созвучна клокоту сердец пора,
А потому они еще сильнее бьются.
Мы молоды вдвойне —

подростки революции,

Ласкаем мышцы рук,
А в май, по вечерам,

Любимая, мы любим горячо, до боли,
Ласкаем нежность губ, далеко бродим
в поле,
Когда в тумане стихнут трактора.

Борьба суровая. Наш пыл необорим.
И девушки проходят с нами рядом.
Они бодрят простым, хорошим взглядом,
Работой радостной и голосом своим.

Они, как ты, непрочь плести венки
Из васильков...

Но это ж — сорняки,
Расти нельзя на наших пашнях им,

И вот готовим к сроку семена,
Людей, машины... Труд тяжел и точен.
Но мы, конечно, сладим, не просрочим,
Не подведем, раз требует страна,
Когда одним огнем, одною волей,
В порыве творческом напряжена до боли,
Одним желанием охвачена она.

За хлеб, за урожай —

Заботы не снижаем...

А девушки?! Что за экстаз борьбы!

Я всех хотел бы целовать, любить...

И мы их любим здесь и уважаем...

О них же хочется звенеть стихами мне,

Но я начну о девушках и о весне,

А кончится все песнями об урожае.

Тут как-то все слилось...
Попробуй, сформулируй
Ту мысль, что горяча, пружинит, как удар...
В размер стиха не входит жизни жар,
В ритм не введешь его хотя б и силой...
Но все же я пою, и крепнет голос:

За наших девушек,
За полный колос,
За урожай,
За поцелуи милой!

Вологда, 1933

МЮД

Комсомольская песня

Выхожу на улицу утреннюю ранью.
Горячо сентябрьское крепкое дыханье.
В синеве над городом облака плывут,
Солнце поднимается...
Вот он — МЮД!

Распахнулась зеленью молодая роща.
Песней комсомольской загремела площадь.
Пионеры выстроились, отдают салют...
Здравствуй, наша молодость!
Здравствуй, МЮД!

У красноармейцев не дрожат винтовки.
Летчик с самолета выбросил листовки.
На ветру качается легкий парашют,
На поля снижается.
Вот он — МЮД!

Молот пневматический по железу бьет.
В армию вливается двенадцатый год.
Комсомольцы нормы на значок сдают —
„Бег на сотню метров“...
Тоже — МЮД!

По дорогам лязгают „интеры“, „форд-
зоны“,

С поля убираются последние суслоны.
Хлебные обозы к городу идут,
Хлебные последние...
Вот он — МЮД!

Над землей бушует ленинское знамя.
С радостной надеждою следят за нами,
С Запада товарищи руку подают...
Здравствуйте, товарищи!
Здравствуй, МЮД!

В шахте, на заводе, и в тайге, и в поле,
В тундре, и в пустыне, в комсомоле,
в школе
Горячей вскипают и борьба и труд,
Зреет наша молодость...
Вот он — МЮД!

Если ж враг надвинется к нашим берегам —
Вся страна поднимется дать отпор врагам.
Боевую песню танки запоют,
Встанет наша молодость,
Встанет МЮД.

Вологда

ЛЮБЛЮ

Я забыл тебя бы в тот же вечер,
И в глазах потух бы нежный свет,
Если б не оригинальность встречи
И не эти двадцать лет.

Если бы не лист весенний, клейкий,
В комнате — полночный огонек,
Шумные собрания ячейки,
Общий стол, студенческий паек.

А теперь, поверишь, тянет, тянет
Маленькую вновь обнять рукой...
Я тебя не полюбил бы, Кланя,
Если б не прогулка за рекой
По глухим дорогам Рокунова,

Если б не командировка и райком,
Если бы тебя не встретил снова
За сплошным никольским хвойняком.

Переброска совершалась ночью,
Мы берем и ночи на учет! —
Я тебя не полюбил бы, впрочем,
Если б не архангельский завод.

Чертежи. Работа над стенновкой
На посту у лесопильных рам
По утрам. Но...

Вручена путевка —
Чокнулись сырые буфера.
Годы пролетали, как недели...
Я забыл бы даже профиль твой,
Если бы...
Уже в политотделе
Мы опять не встретились с тобой.
Посевная надвигалась срочно,
Триеры пылили, грохоча...
Приходилось вместе, как нарочно,
Выходить в колхозы по ночам.
Как-то все сложилось очень ловко:
Мог ли я тебя любить, скажи,
Если б — не райкомы,
Не командировки,
Если бы...
Не эта жизнь?

Вологда, октябрь 1933

ДВАДЦАТЬ ТРУДОДНЕЙ

По бульвару чавкая калошами,
Чувствую: весна пришла на старт,
Радостная,
Терпкая,
Хорошая —
Мой двадцатый водопольный март.

Ручейки, журчащие дорогою,
Свежесть первой зелени в саду
Заставляют вспомнить очень многое,
Перепробованное на ходу.

...Переписанных, переиначенных
Сотни строф в пути сошли на нет.
Прожито,
А может быть растрчено
Двадцать крепких
Полнокровных лет.

Не найти для горечи названия.
Все ж я горд, что не стою на дне...
Но страна в актив за все дерзания
Ставит мне лишь двадцать трудодней.

Все надежды на весну положены.

Ты рассказываешь, не спеша,
Как, апрельским ветром омоложенный,
Откровенней начинал дышать.

— „Дни перегорали от накала,
Ночи в тополях брели без сна,
Песней боевой голосовала
Каждая веселая весна.

— „Запашистая цвела малина;
Сердце билось,
Не сменил пока
Рассудительностью семьянина
Необузданность холостяка.

— „А потом затихло слов звучанье.
Все смешалось.
Сны обнажены.
Холмогорки тихое мычанье —
Теплота воркующей жены“.

Я иду сводить счета со стужами,
Затхлость комнат зимних скинуть с плеч
И смотрю на отраженный лужами
Твой зеленый аккуратный френч.

Для тебя молчанье непростительно.
Если вышел неудачным ход —
Словно стих плохой, покой мучительный
Зачеркни и смело двинь вперед.

Бесконечные шумят потоки,
Развела весна цветной баян,
В небе дымчатом плывут высоко
Жаворонок и аэроплан.

Признаюсь — я тоже сделал мало:
Дни прошли в сонливой мишуре.
Словно под дождем располоскало
Двадцать отрывных календарей.

Потому-то в ледолом веселый
Так хочу работать и любить,
Чтоб стране моей,
Чтоб комсомолу
Больше песен звонких подарить.

Чтоб и девушка меня любила,
Шла со мной наперекор стихий,
Ободряла, двигала, будила
На борьбу, на стройку, на стихи.

И в колоннах
В первый праздник лета,
Чтоб в моем лице, взойдя на вал,
Комсомольца, —
Мало! —
И поэта
Секретарь горкома поздравлял.

НАЧАЛО БОЛЬШОЙ РАБОТЫ

МОЛОДОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ

„Ах, комсомолия,
Мы — почки
Твоих стволов.
Твоих ветвей...“

Безымянский

Ф р а г м е н т ы

Для участия в торжественном заседании VIII пленума ЦК ВЛКСМ IX созыва, посвященном 15-летию со дня первого съезда РКСМ, был приглашен целый ряд деятелей науки, техники и искусства, ранее состоявших и состоящих в комсомоле.

И. ПРИТЫКИНА — скрипачка

Как в обсерватории, замер зал,
Только чуть слышно гудит вентилятор.
У публики откровенно слезятся глаза...
Кто ее разжалобил?
Какой оратор?..

Тихо поворачивалась фашистская земля,
Над ложами полз скрип,
как

Будто качались виселицы на полях.
Выдала о расстрелянных скрипка...

Голодной пятою пятая зима
Сдавила стоящих в очереди за супом.
У Генриха Шульца жена сошла с ума;
На чистых проспектах валяются трупы.

Вышла на улицу
Костлявая безработица.
Взвизгивает ветер
 неприветливый, липкий...

Всхлипывает,
Стонет,
Куда-то просится
В ловких руках виртуоза скрипка.

В гитлеровской камере воздух сжат,
Смертью застенки грозят обездоленным,
Но ненависть острее австрийского ножа...
И чувствуется:
Не выдержать доле им.

Вдруг — выстрел...
Второй загремел в унисон...
Скрипка последний раз простонала,
И жены замученных,
 казненных Лютгенсов
Пошли под пение „Интернационала“.

Раздвинулся темный, сырой горизонт.
Восстали заводы Берлина, Шанхая,
И захлестало по глобусу, громыхая:
— Рот фронт! — Рот фронт!

В зале — движение.
Вспыхнули глаза.
Лица стали ясней и строже.
Кто-то не вытерпел,
Сказал:
— Я — за!
Задвигались кресла, балконы, ложи.
Неумолимый ходил смычок,
Уже рокоча атакующим басом.
И стало вдруг радостно всем, горячо
От песен
Штурмовиков Донбасса.
Надвинулась молодость новых дней,
Гимн наступления...
Эпоха наша...
Блюминга дрожь
И шелест ремней,
Большие конвейеры Уралмаша.
С мощным шипением в нашем Баку
Выхлестнулись новые нефтефонтаны.
Под шинами шуршат пески Кара-Кум —
Наши авто проходят барханы.
В открытые шлюзы Северного канала
Соленые воды хлынули зыбко.
Публика не выдержала,
Зарукоплескала —
— Скрипка!..
— Скрипка!..

В люстры ударила громовая овация.
Волны прибоя подняли пену.

* * *

Из трех человек иностранная делегация
Торопливо поднялась на сцену.

Взволнованно теребя атласные банты
На крахмальных сорочках,

Они спросили:

— Простите,

Откуда такие таланты?..

Эти симфонии нас удивили.

Аккорды зовущие,—

Это заманчиво,

Факт будет жить на страницах истории.

Какие профессоры,

скажите, вас нянчили?

В какой вы учились консерватории?..

Овации стихли на миг, не более,—

Казалось, такой тишины не вынести.

Скрипачка ответила:

— В комсомоле!

Меня комсомол вдохновил и вырастил.

2. ВЕЙЦ — профессор энергетики

На плотине работают тяжелые

экскаваторы,

Строится величайший в мире канал.

— Здесь будут гудеть в тайге
 трансформаторы.
В турбинах замечется синий вал.

Громяхают бетономешалки у пристани.
Поезда подвозят холодную сталь.

— Здесь будет выстроена
 коммунистами
Величайшая в мире гидроцентраль.

Роят шахты,
Буравят нефтескважины,
Взламывают кованые сундуки земли.

— Здесь новые промыслы будут
 налажены,
Здесь уголь лучший в мире нашли...

В пустыне взметнулись краны-подъемники.
Земля бесплодна, суха, горяча.

— Здесь будут солнечные
 энергоприемники,
Будут советские хлопок и чай.

В лаборатории, в свете матовом,
Казалось, столкнулись десятки планет...

— Мы колоссальные силы атома
Отсюда раскинем по всей стране.

Широкогрудый профессор по карте
Пальцем водил, как хозяин работ.

— Вамочень многое доверяет партия.
Давно ли вы встали к ней на учет?
Большие идеи...
Гипотез конструкции...
Когда вы силы свои ей отдали?

Скажите,
А где занимались до революции?
В каком институте работали?

Профессор улыбнулся:
— Простая история.
Я был воспитанником комсомола,
И он —
Моя первая лаборатория,
Мой институт
И первая школа.

3. ПРОКОФЬЕВ — командир стратостата „СССР“

Дрогнули мембраны маленьких
наушников,
В рупоре зарокотал далекий бас:
— Слушайте, товарищи!
Алло, слушайте!..
Слушай, земля,
Говорит „Марс“!*

* „Марс“ — позывной сигнала стратостата „СССР“.

В годы, когда выла труба горниста,
Порохом пахло,

и чавкал окоп,

Маленький Прокофьев — сын

машиниста

Слесарем работал в Вяземском депо.

Каждый полустанок был кровью

полит.

И отцы и дети шли на врага.

Молодой Георгий начал в комсомоле

Учиться республику оберегать.

Духотой землянок,

Сыростью окопов,

Новыми победами

Пришел двадцатый год.

Большевик и слесарь

Молодой Прокофьев

Партией был послан

На польский фронт.

Била по белым трехлинейная

винтовка,

И отпыхали зарева войны.

Через год получена новая путевка —

Двигать наступление внутри страны.

На полях пшеница стала колоситься.

На лугах нехоженных трава густа.

...Первый райком в молодой столице
И славный потоками горный
Дагестан...

Сами — хозяйственники,
Сами — военорги.
Марширует молодость с эпохой в ряд.
Командир Георгий,
Комиссар Георгий
В воздухе водит
Красный отряд.
Партии — всю выучку,
силу,
подготовку,
Молодость,
напористость,
сноровку,
жизнь...

Партия дала ему командировку —
На девятнадцать километров в высь.
И вот поднимаются над страной,
над лесом...

В синее безветрие падает балласт.
Старый комсомолец,
Летчик и слесарь
И в стратосфере боев не сдаст!
Нами взяты полюсы,
пустыни,
ветры —

Мы меридианами меряем свой шаг.
От земли за девятнадцать тысяч
метров

Поднят комсомольцами
Советский флаг.

4. ЕВСЕЕВ — парашютист, побивший
мировой рекорд на затяжной прыжок.

На лугу
Воздух чист.
Вниз рвись!
Только гул,
Только свист —
Вниз,
Вни-из...

Падать семь километров с лишним,
И чтоб не стало в глазах темно,
Это не то, что кушать вишни,
Косточки выплевывая за окно.

Много воздуха в наших легких;
В сердце огнем полыхают угли...
...И парашют развернулся легкий
За полтораста метров от земли.

* *
*

— Вы, верно, гордитесь своей
породой?—

У вас совсем небывалый закал.
— Скажите, товарищ, откуда вы родом?

— Из комсомола! —

Герой сказал.

5.

Безыменский — поэт.

Авербах — литературный критик.

Ярмольчук — изобретатель
электро-шаропоезда

Мирошниченко — изобретатель
автосцепки.

Ботвинник — чемпион СССР
по шахматам.

Яковлев — авиаконструктор.

Митин — директор института
философии.

Лукомский — художник.

Чижов — изобретатель
механической прокладки
железнодорожных путей.

Степанченко — летчик-планерист.

Латышев — научный сотрудник
Физико-технического института.

Айрапетьянц — зам. директора
Научно-исслед. физиолог.
института.

Бабушка крестила запавший рот,
Шамкали старухи
слепые,
глухие...

— Кем-то он будет когда подрастет?..

— Выйдет ли в люди,
как мы,
как другие?..

Мать уголек кружила на воде,
Ночью гадала по звездам зернистым.
Соседи пророчили:

— Быть беде! —

Вырастет вором
или коммунистом.

А он за фабричным двором от души
Бегал с ребятами с утра до ночи,
Кошек в застенке оврага душил,
Играл в полицейских, царя и рабочик.

Но подошли боевые дни,

■ мать голосит:

- Отколь что берется?!..

Мой-то сынок босякам сродни.

стал, —

погляди на него! —

комсофлотцем.

Хлестал по стране пулеметный град,
Над самой оградой выли снаряды.
Он вместе с ячейкой из лучших ребят
Пошел в комсомольские продотряды.
У кулачья законы свои, —
Волком сидит кулак у подвала...
Сын за хлебом кидался в бои,
А старая мать
грустила, гадала.

— Что с ним поделаешь?..

Не умен.

Еще не измят работой поденной.
А сын подобрал боевой эскадрон
И ринулся в битву вместе с Буденным.
Ненависть с кровью созрела в груди,
Новая правда в словах зазвучала...
Куда его комсомол не водил?!..
Куда только партия не назначала?!..

И в схватке любой,
В переплете любом
У вражеских, бомбами взрытых, околиц
Он не жалел смертоносных обойм,
Всегда — большевик,
Всегда — комсомолец.

Годы сменялись,
И старая мать
Все передумала, перетерпела.

Стали страну крепить, поднимать.
А сын —
Начальник политотдела.
На пашнях — бетонные этажи...
Ржи урожай, как в сказке, обилен.
Башни,
Какие-то гаражи
И тракторы,
тракторы
да автомобили...

Мать посмотрела и снова — в слезы.
Грустно и радостно...
Просит:
— Скажи,
Кто это выдумал строить совхозы?
Строить...
А мы не умели жить.

Села бы снова теперь за парту я...

А ты здесь — начальник?
Все ты?.. Один?..

— Мама!

Начальник строительства —
партия,
А я — ее верный сын.

**АЛЕКСАНДР ЯШИН — Песни
Северу. Стихи. Севкрайгиз. Ар-
хангельск. Ред. Гр. Динюв.
Техред. А. Веселовская.
Бум. ф-ки „Сокол“ 62×94, $\frac{1}{32}$,
 $\frac{12}{15}$ в. л. 2,2 в. л. 76800 ян. в б. л.
Тираж 3000. Огнв № 475-III-X-1в.
Сдано в производство 19 апреля
1934 г. Подписано к печати 20
мая 1934 г. Уполном. Севкрай-
лита № 694—11 апреля 1934 г.
Заказ № 1153**